

А.А. Гераклитов

**История Саратовского края в
XVI-XVIII вв**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А.А. Гераклитов
А11 История Саратовского края в XVI-XVIII вв / А.А. Гераклитов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 380 с.

ISBN 978-5-458-52996-9

В книге отражены: основные вехи историографии истории изучения края, географическое положение, история Поволжья в средние века, развитие торговли и строительство городов в XVI веке, край в эпоху Смутного времени, взаимодействия русских и кочевых племен, строительство засечных линий.

ISBN 978-5-458-52996-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Книжка эта никоим образом не претендует на оригинальность. Значительная часть ее является просто сводкой того, что уже было и раньше напечатано в различных трудах, имеющих отношение к истории нашего края. Лишь по некоторым вопросам, не нашедшим себе отражения в краевой литературе, автор пользовался первоисточниками. Приходилось прибегать к ним и в тех случаях, когда тот или другой вопрос, благодаря публикации новых документов получал иное, отличное от традиционного, освещение. Что касается построения и изложения, то нужно иметь в виду, что предлагаемый труд является дословной перепечаткой лекций по истории края, читанных автором в местном университете. Этим, а не намеренным замалчиванием, между прочим, объясняется почти полное отсутствие ссылок на источники.

Г Л А В А I.

Низовое Поволжье в течение длинного ряда веков жило многообразной исторической жизнью, менявшей свой характер в зависимости от той или иной группировки исторической жизни и взаимоотношений. Но это богатство исторической жизни лишь в незначительной степени и не для всех периодов одинаково отражается в письменных памятниках. Только для эпохи, следующей за освоением Поволжья Московским государством, можно с надеждой на некоторую полноту изучения оперировать опираясь на письменные памятники и документы. Для предшествовавшей эпохи, по длительности своей несравненно большей, чем те три с половиной столетия, которые протекли со времени обоснования русского владычества в пределах средней и нижней Волги, а по своему значению, б. м., гораздо важнее и во всяком случае более красочной, если можно употребить такое выражение, памятники письменности очень скудны. Неясные и часто противоречивые указания писателей классической древности, кое какие упоминания византийских историков, мало еще освещенные критически повествования восточных авторов и редкие и случайные строки русских летописей—вот почти весь багаж, с которым приходится оперировать историку при его попытках воссоздать прошлые судьбы нашего края. Ясно поэтому, какое значение при подобных условиях должны приобрести свидетельства о былом другого порядка, т. е. т. н. памятники внешней культуры, находящиеся в ведении той из вспомогательных исторических дисциплин, которая известна под именем археологии. Масса вопросов, возникающих у исследователя истории Саратовского Поволжья, если и не разрешаются окончательно, то, по крайней мере, становятся на правильный путь к разрешению только при посредстве данных, доставляемых археологией. Обширные задачи археологии в нашем крае и нельзя сказать, чтобы они и до учреждения факультетов гуманитарных наук в Саратове не обращали на себя внимания. Но только с того времени, как здесь возник историко-филологический факультет разрешение этих задач было поставлено вполне научно. Можно с уверенностью сказать, что в дальнейшем, при более

благоприятных обстоятельствах, археологическое изучение края пойдет более усиленным темпом и даст еще более блестящие результаты. В зависимости от заселения края в эпоху русского владычества он в этнографическом отношении представляет поразительную пестроту. В некоторых местностях на протяжении одного дня пути приходится встретиться с тремя-четырьмя народностями очень далекими друг от друга, как по этническому составу, так и по месту происхождения. Наряду с господствующей русской народностью мы находим здесь и татарина и немца и мордвина и чувашенина. Самая русская народность имеет здесь представителей всех составляющих ее племен. Можно указать селения, где один порядок „окает“, обнаруживая тем северновеликорусское происхождение своих первоначальных засельников, а говор жителей другого порядка не менее очевидно показывает, что предки их пришли к нам из областей, заселенных южной ветвью русского народа. Нет надобности говорить, какой выдающийся интерес имеет такой край для этнографа. Саратовский у-т учел и этот интерес и дело изучения местной этнографии поставлено у нас настолько широко и научно, что нельзя сомневаться в важности для науки тех результатов, которые им будут достигнуты. Этнография, как наука, имеет свои цели и задачи, но выводы ее важны тоже и для историка. Ход заселения нашего края далеко не ясен во всех своих подробностях. Причины такого явления будут указаны подробно впоследствии, когда мы обратимся к детальному изучению данного вопроса. При таком положении, несомненно, часть дефектов может быть исправлена при помощи этнографии и она даст много корректив к из'янам письменных документов. Пока могу только сказать, что по отношению, напр., Хвалынского у. замечается очень удачное совпадение выводов истории и этнографии в вопросе о заселении этой части края.

Было-бы странно, если-бы при указанной мною тенденции Саратов у-та, вне влияния ее оказались специалисты историки, входящие в состав у-та. И мы видим, что с момента появления у нас таких специалистов они направляют свое внимание, поскольку это оказывается возможным, и на вопросы, связанные с местной историей.

Для времени с половины XVIII в. местные архивы содержат колоссальный по объему и богатейший по содержанию материал. Трудность обращения с таким материалом отпугивает многих, особенно начинающих работников, от его разработки. Нужны некоторые специальные познания и навыки, чтобы с надеждой на успех пуститься в плавание по этому воистину безбрежному морю.

И здесь наш университет идет навстречу назревшей потребности и учреждением кафедры вспомогательных исторических дисциплин дает возможность подготовить подходящих работников.

Можно бы и еще продолжить наш славный перечень, но достаточно только обратиться к планам преподавания за ряд учебных лет, чтобы убедиться в том, как много Саратов. ун-т уделяет внимания вопросам, связанным с изучением Саратовского края.

Но помимо университета в Саратове имеются и другие организации, поставившие своей задачей изучение края. Между прочим, старейшая из них—Общество Истории, Археологии и Этнографии, как раз посвящает свое преимущественное внимание прошлым судьбам Саратовского Поволжья. Возникает сомнение, уж не слишком ли много посвящается внимания вопросу, по существу своему не заслуживающему такого внимания. Что такое Саратовский край, что такое вообще местная история. чтобы стоило тратить на это время и силы? Может ли такая история, прежде всего, иметь какое либо значение в уяснении общих исторических процессов? Не является ли она просто забавой любителей, зараженных узким местным патриотизмом?

Для ответа на поставленный вопрос позволим себе привести здесь несколько примеров. В течение некоторого времени русское государство возглавлялось Киевом и поэтому оно за этот период и именуется Киевской Русью. Может ли историк этого периода, желая выявить исторические процессы, поведшие к образованию Руси данной эпохи, ограничиться только фактами, имевшими место с момента, когда Киев стал столицей вновь возникшего государства? Не окажутся ли все его выводы в таком случае висящими в воздухе, не имеющими под собой прочного научного основания. Конечно, здесь возможен только утвердительный ответ. Для того, чтобы рисуемая им картина исторического процесса Киевской Руси не была только миражем, исчезающим по мере приближения к нему, историк должен подвести под свое здание прочный фундамент, поискать корни тех явлений, которые он разбирает. Само собой разумеется, что такие корни придется искать в той эпохе, когда Киев еще не объединил всех тогдашних русских земель. Т. о., в этом случае областные истории лягут в основу истории общерусской и изучение прошлого какой-нибудь дреговичской или полоцкой области, до того момента, как она вошла в состав русского государства, становится не только правом, а даже обязанностью историка.

Прежде чем объединить под своей властью области, вошедшие потом в состав Московского государства, Москва прожила долгую жизнь в положении одной из таких областей. Можем ли мы уяснить себе вполне историю Московского государства без внимательного изучения исторического процесса, имевшего конечным результатом возвышение Москвы, т.е. без познания Московской областной истории. Подобных примеров можно привести сколько угодно, но и двух, взятых на удачу, полагаю, достаточно для того, чтобы доказать законность интереса к обла-

стным историям. И мы видим, что этот интерес в русской исторической науке был всегда в достаточной степени жив и можно насчитать ряд работ, посвященных истории отдельных областей, княжеств, городов и т. д. Все такие работы в силу сравнительной хронологической или географической ограниченности их тем могут тем самым детальнее и глубже разрабатываться и, т. о., готовить тот фундамент, на котором основывается выявление общерусского исторического процесса. Т. о., интерес к местным историям не только законен, но и необходим.

Такую подсобную роль для уяснения многих вопросов русской исторической жизни должно играть и детальное изучение нашей местной истории—истории Саратовского Поволжья. У нас нужно искать начала или наиболее яркого проявления многих явлений русской истории. И детальное изучение обстановки, в которой эти явления народились, или особенно отчетливо выразились, будет делом, гл. об., местных историков, если не по происхождению, то по направлению научных интересов. Так: до сего времени еще не решен русской исторической наукой вопрос о происхождении и развитии одного, в высшей степени важного и богатого по своим последствиям явления русской жизни. Я говорю про великорусское казачество. Между тем, по крайней мере лично для меня, несомненно, что казачество первоначально зародилось именно в пределах нашего Поволжья и только впоследствии, под влиянием особых условий, должно было уступить место другим формам общезития. И мне думается, что историк казачества не может обойтись без изучения тех условий и причин, которые вызвали сначала у нас на Волге возникновение казачества, а затем повели к его исчезновению здесь. Т.-е., иными словами, ему придется заняться историей низового и среднего Поволжья за определенный период времени, а тем самым стать в ряды местных историков.

Особые условия, сложившиеся в Московском государстве в XVI и XVII в.в., повлекли за собой усиленный отлив населения из внутренних русских областей и интенсивное заселение некоторых его окраин, в том числе и юго-восточной. Колонизационная волна докатилась до нашей Украины в последней четверти XVII столетия и оказалась настолько могучей, что в течении немногих десятилетий, не превышающих среднего предела человеческой жизни, дикое дотопе поле покрылось густой сетью русских и инородческих селений. Едва ли кто станет спорить против утверждения, что для того, чтобы понять во всех подробностях причины, ход и конечные результаты русской колонизации XVI, XVII в.в., необходимо до мелочей проследить эту колонизацию в пределах Саратовского края, т.-е. опять таки обратиться к изучению истории этого края за указанный период.

Казалось бы, что петербургская эпоха русской жизни с ее стремлением к нивеллировке, к уничтожению или подведению

под общий уровень всех местных особенностей исключает необходимость областных историй.

В самом деле, приходится ли говорить об особой истории областей, когда вся жизнь их направляется и регулируется из одного центра по одному определенному, для всех одинаковому шаблону? Однако, и это не совсем так. Директивы, даваемые из центра, осуществлялись на местах, как теперь говорится, по разному и приводили не к однородным, во всяком случае, не всегда одинаковым результатам. И задача местного историка выяснить угол преломления петербургских лучей на местах. Всем известно, конечно, стремление правительства Николая I к насаждению в русском народе казенного православия и искоренению религиозного разномыслия. Создавались особые учреждения в Петербурге, ведавшие делом борьбы с расколом, писались циркуляры, вызывавшие немедленные отписки с мест и т. д. В результате этой деятельности в столичных архивах накопились горы документов. Но тот, кто на основании только этих столичных документов вздумал бы писать историю старообрядчества в эпоху Николая I, впал бы в грубую ошибку. При всей добросовестности в лучшем случае он дал бы лишь картину правительственных мероприятий против религиозных отщепенцев. Подлинная жизнь, напр. старообрядчества, протекала на местах и может быть освещена только местными документами. Да и на местах она складывалась по разному, в зависимости от местных условий, и в Нижегородской, скажем, губ. старообрядчество жило не так, как в Саратовской. Кто же, кроме местных историков может подготовить материал для выявления истории старообрядчества во всей его широте и полноте. По этому поводу разрешу себе привести маленький конкретный пример. В отечественную войну правительство обратилось к дворянству с призывом жертвовать на общее дело борьбы с Наполеоном людьми и деньгами. Такое обращение в форме циркуляра было получено и саратовским дворянством; в положенный канцелярскими порядками срок, в Петербург был отправлен из Саратова ответ, что наше дворянство, ревнуя к престолу и отечеству, с радостью приносит на алтарь его по столько-то рекрут и по столько-то рублей с 1000 душ. Между тем, исследование одного из местных историков показывает, что участие саратовского дворянства в войне 1812 года было подневольным, что соби́рание рекрут и денег велось принудительным путем, при постоянном стремлении отделаться от этой насильственно навязанной повинности, словом, что готовность к жертвам и патриотическое одушевление существовали только в той официальной бумаге, которая пошла в Питер. Т. о., историк, не опирающийся на местные исследования, а оперирующий только с материалами столичных архивов в уверенности, что в 1812 г. вся Россия была подстрижена по одной питерской мере, неизбежно даст неверное освещение вопроса.

Мы имеем капитальный труд проф. Писаревского по истории иностранной колонизации в России, труд тем более ценный, что он целиком составлен на основании неопубликованных до того архивных материалов. Значительная часть этого труда посвящена немецкой колонизации в Саратовском крае по тем данным, которые проф. Писаревский нашел в архиве столичного учреждения, ведавшего вызовом и устройством в России колонистов. Документы, легшие в основу труда почтенного ученого, безусловно, конечно, подлинные и оперирует он с ними вполне научно. Тем не менее, даже после беглого просмотра находящегося в Саратове архива конторы иностранных поселенцев я не сомневаюсь, что знакомство с этим делопроизводством во многом заставило бы проф. Писаревского несколько иначе взглянуть на вопрос. Одно дело сочинять в столице проекты и циркуляры, — другое — в какой форме они выльются на местах. В этом случае могу опереться на авторитет проф. Кизеветтера, рецензировавшего труд Г. Г. Писаревского.

Такое крупное явление в жизни России второй пол. XVIII в. как пугачевщина может быть понята во всех своих деталях лишь после работ на местах, в тех областях где действовал Пугачев или куда дошли отголоски вызванного им движения. И такое изучение — дело местных историков, в частности и саратовских. Для меня нет никакого сомнения, что архивные материалы саратовских архивов при надлежащей их обработке внесут не мало нового и свежего даже в такой, в значительной степени обследованный вопрос, как пугачевщина.

Но если бы мы ограничились лишь тем, что рассматривали бы нашу саратовскую историю только как подсобный материал для уяснения хода общерусского исторического процесса, мы оказались бы повинны в недооценке ее значения. Значение это во всяком случае гораздо шире и глубже. Не следует забывать, что в пределах среднего и нижнего Поволжья имели место такие исторические явления, которые, с одной стороны, имеют цену сами по себе, а с другой — в значительной мере влияли на ход русской истории, на образование так часто уже упоминавшегося общерусского исторического процесса.

Ведь нельзя забывать, что именно в пределах нашего родного края сложилась и существовала в течение веков одна из сильнейших империалистических держав востока Европы, а именно Хозарское царство, так наз. Хозарский каганат. При благоприятных условиях автор этой книги надеется заняться историей Поволжья за средние века и тогда постарается подробнее выявить ту роль, которую сыграл в свое время Хозарский каганат. Теперь же скажу только, что роль эта вообще далеко не выяснена, а по отношению к нашему государству или не принимается в расчет или преуменьшается. Ведь именно хозары на далеком востоке Европы сделали то, что на другом конце свершил Карл Мартел. Они в течение веков сдерживали

яростный натиск воинствующего ислама и не позволяли распространяться арабскому владычеству на север от Каспийского моря. Что касается культурных влияний на соседние с каганатом русские славянские племена, то не следует забывать, что и доселе, напр., мы пользуемся заимствованной у хозар системой веса и наш блаженной памяти серебряный двугривенный, есть прямой потомок того арабского диргема, который являлся ходячей монетой в хозарском царстве. Ни для кого теперь не секрет, что одной из причин, повлиявших на образование русского государства является факт подчинения хозарскому владычеству некоторых из русских племен. Можно идти дальше и доказывать с большой долей вероятности, что объединение и северных племен под властью варяжских князей в конечном счете не обошлось без посредствующего влияния тех же самых хозар. Ясно, что изучение истории Хозарского царства не лишено интереса и может повести к уяснению многих капитальных вопросов, почему и заслуживает, конечно, полного внимания. Но изучая историю хозар, разве мы тем самым не изучаем историю нашего Поволжья за время существования Хозарского царства.

Те бесконечные кочевнические племена, которые в течение долгого ряда веков, непрерывным потоком грозили затопить Европу, все прошли через наши стелы. Особенно благоприятные условия приволжских мест задерживали их у нас иногда на много лет. И изучая данное явление, мы неизбежно должны обратиться к уяснению причин, задерживающих кочевников по средней Волге, т. е., опять таки обратиться к изучению прошлого нашего края.

Одна из таких волн, почти последняя по времени своего появления из глубин Азии, особенно прочно оседает на Волге, образовав здесь ту державу, которая известна под именем Золотой Орды. Ее столица—Сарай—делается центром, откуда татарское влияние распространяется на вековую данницу Золотой Орды—русскую землю. Вопрос о значении этого влияния на ход русского исторического процесса может быть оспариваем только в деталях, а не в целом. Татары наложили на нас такую печать, которую мы носим и по сей день и еще долго будем носить. Уж слишком тесно было многовековое сожительство, слишком близки связи с татарщиной, чтобы они могли пройти бесследно для русского народа. Несмотря на все успехи, сделанные исторической наукой, несмотря на обилие документального и археологического материала, растущего с каждым днем, мы до настоящего времени не имеем истории Золотой Орды. Книга немецкого ученого Гаммера-Пургшталя, насколько мне известно, была единственной и к тому же весьма неудачной попыткой в данном направлении. Придет время и мы, конечно, будем иметь работу, отвечающую всем научным требованиям. И такая работа будет опять таки по существу, историей среднего

и нижнего Поволжья за XIII—XV вв., т. к. именно на территории Поволжья сложилось ядро татарской державы, в наших пределах находилась столица Золотой Орды, в нашей земле лежат кости тех ханов, перед которыми склонялись во прахе русские князья.

На ряде примеров я пытался показать то значение, которое изучение прошлого нашего края должно иметь для уяснения общерусского исторического процесса, служебное, так сказать, значение местной Саратовской истории. Также из ряда примеров мы видим, что она представляет и самодовлеющий интерес. Но теперь мне хотелось бы указать и на то, что история того края, который мы считаем своей родиной, прошлое этого небольшого клочка земли играло свою роль и в ходе мирового исторического процесса. Для того, чтобы облегчить эту задачу я позволю себе сделать небольшое отступление по вопросу о единстве мирового исторического процесса, о том, что изолированных историй не существует. В доказательство и пояснение я укажу только два примера, уже раньше меня использованные другими, (Д. Н. Егоров. Империализм. Литогр. курс 1910—11 г. лекция 1-я), на два факта: один положительного характера—Греция, другой отрицательного—Россия эпохи Ивана Грозного. Обычно они рассматриваются как явления самобытные, подобных которым мы не наблюдали нигде в другом месте или в другую эпоху. И между тем, при ближайшем исследовании оказывается, что дело обстоит совсем не так. „Возьмем сначала положительный пример—греческую культуру. Всегда указывали и сходились на том, что значение греческой культуры колоссально, что древний мир и мы прежде всего связаны с греками, а не с римлянами тысячью отдельных нитей. Всегда указывали, что Греция оплодотворила всю дальнейшую культуру, а с другой стороны особенно подчеркивали, что греки—это тип особого народа, с необычайной и нигде в прошлом не встречающейся талантливостью; народ, поставленный в необычайно удачные условия климатические и географические. Что климат здесь благоприятен,—на это уже сами греки обращали внимание. Это климат, не располагающий к восточной неге и лени, так как здесь не жарко; или к апатии севера, так как здесь не холодно. Это климат умеренный, который позволяет гармонически развиваться всем особенностям человеческой души, всякой инициативе. Указывали на то, что географическое положение Греции как будто особенно выгодно. Она лежит на пути и перепутье между востоком и западом и невольно является передаточным и узловым пунктом. Море, которое Грецию омывает,—особенное, не разъединяющее, а соединяющее и масса островов в море, окружающем Грецию (как выразился один грек), точно жемчужное ожерелье соединяет Грецию с одной стороны с М. Азией, а с другой—с Италией. Словом, здесь все условия сложились необыкновенно выгодно и удачно. С другой стороны—сам народ, необычайно